

Бай Шу оставался единственным человеком в этой эпохе, перед которым Хан Сиэнь испытывал смутное чувство вины. И теперь, когда юноша наконец обратился к нему с просьбой, Маркиз без колебаний кивнул, готовый исполнить его желание.

Видя, что Хан Сиэнь согласился, Бай Шу искренне обрадовался. И пусть прежде тот уже давал подобное обещание, юноша до последнего сомневался. Судя по тому, как холодно Маркиз обычно держался с окружающими и как неохотно шёл на сближение, он явно принадлежал к числу тех, кто не терпит чужого внимания к своей персоне и уж тем более не станет позировать для портретов.

«Может быть... я и впрямь для него особенный?»

От этой мысли на душе у Бай Шу стало на редкость тепло.

«Похоже, этот парень тоже из тех, кто склонен слишком много себе воображать»

Услышав чужие размышления, Хан Сиэнь на мгновение замер.

На самом деле Маркиз относился к нему точно так же, как и ко всем остальным. Разница заключалась лишь в одном: перед другими людьми его совесть была чиста, а вот перед Бай Шу он чувствовал неоплатный долг.

Бай Шу попросил Хан Сиэня поудобнее устроиться во дворе. Отбросив лишние мысли, Маркиз послушно согласился.

Дневное солнце всё ещё нещадно палило, разливая в воздухе тяжёлый зной, поэтому они укрылись в тени просторной крытой галереи, где Бай Шу принялся неторопливо раскладывать письменные принадлежности.

Служанки из дворика Душистых Орхидей давно привыкли к внезапным появлениям Бай Шу. Лишних вопросов они не задавали и уж тем более не смели болтать об этом за пределами комнат. Так что, кроме нескольких доверенных людей во внутреннем дворике Маркиза, во всём огромном поместье герцога никто и не догадывался, что к молодому господину повадился гость, бесстыдно перемахивающий через заборы.

Схватившись за кисть, Бай Шу мгновенно преобразился: лицо его приняло сосредоточенное выражение, а взгляд сделался предельно внимательным. Приняв правильную осанку, он уверенным движением обмакнул ворс в тушь.

Хан Сиэнь полулежал в мягком кресле. Прикрыв глаза, он лениво размышлял о событиях сегодняшнего дня. Стоило признать, Хан Минчжу действовала решительно. Не желая выходить

замуж за пятого принца Цзи Хуая, она решила разрубить этот узел одним махом.

Даже если в семье Хань догадаются, чьих рук это дело, прямых доказательств у них нет. Но поступок девушки наглядно продемонстрировал её непреклонную волю: она ясно дала понять, что готова пойти до конца и, если потребуется, разрушить всё до основания.

Впрочем, детали уже не имели значения. На глазах у многочисленных свидетелей Цзи Хуай собственноручно вытащил из воды и вынес на руках насквозь промокшую Хан Цинсюэ. Весть об этом мгновенно разлетелась по поместью. Если добродетельная наложница Сянь-фэй не желала громкого скандала, бросающего тень на императорскую семью, ей волей-неволей придётся как-то уладить дело с Хан Цинсюэ.

При этом Хан Минчжу вовсе не собиралась облегчать жизнь своей кузине, которая в прошлом не раз пыталась её извести. Она устроила всё изящнее, сосватав принцу ещё одну спутницу — Хэ Юйчжу.

После того памятного наказания Хэ Юйчжу затаила глубокую обиду на собственную мать, Хан Сю. За последнее время девица поумерила свой спесивый нрав. Наблюдая, с каким пренебрежением слуги герцогского дома обходятся с оставшейся без покровительства Хан Цинсюэ, она вдруг отчётливо осознала всю важность власти и высокого положения. В её голове созрел план, и былая неприязнь к затее матери выдать её замуж за Цзи Хуая в качестве младшей супруги бесследно испарилась.

Хан Минчжу обладала проницательным умом и сразу уловила эти перемены. Выведав, где именно в поместье будет находиться пятый принц, она как бы невзначай обмолвилась в присутствии своей служанки, что у Хан Цинсюэ могут возникнуть трудности с замужеством, а она, как заботливая сестра, просто обязана ей помочь. Девушка добавила, что Его Высочество славится мягким сердцем и непременно бросится на выручку, если девица попадёт в беду.

В итоге, когда Хан Минчжу столкнула кузину в озеро, Хэ Юйчжу стояла неподалёку и всё видела. Разумеется, она и не подумала поднять шум. Напротив, она собиралась хранить эту тайну за семью печатями. За последнее время Хэ Юйчжу научилась трезво оценивать свои достоинства и недостатки.

Красотой природа её не обделила, а вот несносный, капризный характер в прошлом сильно испортил впечатление о ней у пятого принца. Поэтому, выбравшись на берег сухой из воды, она лишь бросила на Цзи Хуая гневный взгляд и поспешно скрылась, всем видом показывая, будто вовсе не претендует на то, чтобы принц брал за неё ответственность.

Если расчёты Хан Сиэня верны, то уже к вечеру юная Хэ Юйчжу свалится с тяжёлым недугом, якобы от пережитого потрясения и холода. Её мать, Хан Сю, побежит проливать горькие слёзы перед Старой госпожой. А до ушей Цзи Хуая дойдут известия, которые заставят его устыдиться своей оплошности и укрепиться в чувстве вины. В конце концов, принцу не останется ничего другого, кроме как приютить у себя обеих красавиц.

Хан Сиэню было безразлично, права Хан Минчжу или нет. Раз уж Хэ Юйчжу сама возжелала заполучить принца, то рано или поздно она выкинула бы нечто подобное и без чужой подсказки. Возможно, её путь оказался бы чуть длиннее и извилистее, но своего она бы всё равно добилась.

Точно так же обстояли дела и с Хан Цинсюэ. Не ослепни она тогда от зависти, когда Хэ Фань попытался устроить тайное свидание с Хан Минчжу, не укради она личную вещь кузины, чтобы выдать её за неопровержимую улику грехопадения и тем самым растоптать её репутацию, то и Хан Минчжу сегодня не стала бы топить её в пруду.

Всё в этом мире связано невидимыми нитями причин и следствий.

Что же до Цзи Хуая, то он являлся типичным представителем своего сословия. Он мог сколько угодно уважать и ценить Хан Цинсюэ, однако это никоим образом не помешало бы ему окружить себя другими наложницами.

«Тот, кто возлагает все свои надежды на верность и чистоту чувств, обречён стать самым жалким неудачником»

Хан Сиэнь мысленно усмехнулся. Его прошлая жизнь служила тому лучшим подтверждением.

Пока Маркиз блуждал в лабиринтах воспоминаний, до его слуха доносился лишь тихий шорох скользящего по бумаге ворса. Он медленно приоткрыл глаза и посмотрел на увлечёвшегося работой юношу. словно почувствовав на себе его взгляд, Бай Шу тоже поднял голову.

Хан Сиэнь скользнул по лицу художника безучастным взором и устремил взгляд вдаль, мимо него.

Бай Шу на мгновение растерялся, и кончик его кисти едва заметно дрогнул, оставив на листе крошечную кляксу. Но он тут же взял себя в руки, опустил голову и продолжил работу. Юноша держал кисть точно так же, как держал верный меч — уверенно, крепко и до крайности сосредоточенно. Штрих за штрихом он заполнял расстеленное на столе бумажное полотно.

Вскоре под его пальцами проступили первые очертания. Сходство было поразительным: на картине оживал сам Хан Сиэнь. Облачённый в простое бирюзовое одеяние, он полулежал в плетёном кресле с небрежным изяществом. Картина дышала благородством: тонкие черты лица, идеально очерченный разлёт бровей, бездонные звёздные очи и сквозящее во всей его фигуре аристократическое величие.

И без того безупречный облик обрёл завершённость благодаря глазам. Взгляд мужчины на портрете дышал беспредельным холодом. Эта деталь придавала его совершенному лицу оттенок пугающего равнодушия — казалось, ни одно мирское событие не способно задеть струны его души.

Последний мазок кисти завершил портрет, запечатлев этот холодный взгляд. Бай Шу отложил инструменты и терпеливо подождал, пока лёгкий ветерок высушит влажную тушь. Затем он осторожно поднял свиток, подошёл к Хан Сиэню и, склонив голову, негромко произнёс:

— Я закончил. Хочешь взглянуть?

Хан Сиэнь перевёл на него взгляд и скользнул глазами по бумаге. Наступило долгое молчание. На душе у Маркиза стало на редкость беспокойно.

Изображённый на холсте юноша отличался от его реального отражения в зеркале как небо от земли. Даже со всеми чудесами ретуши и фильтров из его прошлой жизни он вряд ли сумел бы сотворить подобный шедевр.

В глазах Бай Шу он предстал настолько безупречным, что едва ли мог узнать самого себя.

Стоявшие неподалёку Би Хуа и Чэнь Сян тоже вытянули шеи, чтобы взглянуть на рисунок, и изумлённо переглянулись, не веря собственным глазам.

Бай Шу не догадывался о смятении в душе собеседника и не мог понять, пришлась ли работа тому по сердцу. Скромно опустив взор на свиток, он добавил:

— Времени было маловато, так что это лишь беглый набросок. Когда я закончу всю картину, то принесу её тебе снова.

В решительности Бай Шу порой превосходил самого Наследника. Не успело отзвучать последнее слово, как он проворно свернул холст, закинул его за спину и одним лёгким прыжком перемахнул через высокую ограду, растворившись в воздухе.

Вертевшиеся на кончике языка слова: «Раз уж ты закончил портрет, больше не приходи», так и остались произнесёнными.

Окрылённый успехом, Бай Шу поспешил домой. Бережно прижимая к груди драгоценный свиток, он ворвался в поместье генерала Бая, сгорая от нетерпения поскорее завершить начатое.

Бай Вэньхань, как раз собиравшийся уходить по делам, краем глаза заметил, как младший брат вихрем промчался мимо и заперся в кабинете, укрывая на груди нечто весьма ценное. Испугавшись, как бы юноша окончательно не лишился рассудка от своего увлечения, старший брат переменял намерения и направился напрямик за ним.

Дверь кабинета оказалась приоткрыта. Постучав для приличия, генерал переступил порог и застал брата за кропотливым разворачиванием огромного, в человеческий рост, холста. Стоило ему взглянуть на запечатлённого там благородного господина, как брови его изумлённо

взлетели вверх.

— Кто это?

Лицо мужчины показалось ему смутно знакомым, но вспомнить, где именно он его встречал, Бай Вэньхань так и не смог.

Бай Шу обернулся, и на его лице отразилось лёгкое уныние.

— Это Хан Сиэнь. Неужели вышло совсем непохоже?

При этих словах генерал ошеломлённо застыл. Сравнивая мысленно образ на картине с настоящим Хан Сиэнем, он лишился дара речи. На мгновение он даже позабыл о своём намерении расспросить брата, когда это они успели сойтись столь близко.

Спустя долгую паузу, натолкнувшись на невинный и искренний взгляд брата, Бай Вэньхань хрипло выдавил:

— ... И впрямь не очень.

Юноша на холсте выглядел так, словно ему полностью перекроили лицо. Между этим возвышенным образом и реальным Маркизом не было почти ничего общего.

— Знаю, — разочарованно вздохнул Бай Шу. — Ему и в подмётки не годится. Но сколько бы я ни старался, у меня никак не выходит передать его истинную красоту.

Бай Вэньхань лишился дара речи. Заговори с ним кто-то другой в подобном тоне, он бы решил, что над ним издеваются. Персонаж на картине превосходил настоящего Хан Сиэня по красоте во сто крат, а младший брат ещё и сокрушался, что не сумел передать оригинал!

Однако генерал слишком хорошо знал характер Бай Шу, чтобы сомневаться в его искренности. Глядя на поникшего юношу, он лишь беззвучно пошевелил губами, так и не найдя подходящих слов для утешения.

Бай Вэньхань вновь перевёл взгляд на холст, и тут внутри у него всё похолодело. Нахмурившись, он произнёс со всей серьёзностью:

— Впредь никогда не показывай эту картину посторонним. Спрячь её подальше от чужих глаз.

Расстроенный неудачей Бай Шу удивлённо моргнул и воззрился на брата, силясь понять причину столь внезапной строгости.

Бай Вэньхань не на шутку встревожился. Лицо на картине показалось ему знакомым вовсе не потому, что напоминало Наследника.

Когда брат упомянул имя Хан Сиэня, он сначала не придавал этому значения. Однако теперь, сопоставив облик на портрете с происхождением Наследника, он внезапно вспомнил: много лет назад, будучи совсем юным, он уже видел поразительно похожую картину.

Вот только ту картину когда-то написал их покойный отец по высочайшему указу. А изображён был на ней покойный Императорский благородный супруг.

Будучи старше брата на несколько лет, он хорошо помнил времена, когда отец возлагал на него большие надежды, отдавал все силы его обучению и баловал. На Праздник фонарей отец даже сажал его к себе на плечи, чтобы мальчику было лучше видно яркие огни на улицах.

В памяти отчётливо запечатлелся единственный случай, когда отец не на шутку рассердился на него. Причиной послужила нелепая оплошность: маленький Вэньхань едва не предал огню один старый свиток.

Тот портрет предназначался в дар Императорскому благородному супругу на его день рождения — заказчиком выступал сам государь. Однако работа по какой-то причине так и не была представлена ко двору. Свиток долгое время пылился в отцовском кабинете, пока в один прекрасный день отец поспешно не сжёг его.

Бай Вэньхань до сих пор помнил свой детский вопрос:

— Отец, зачем уничтожать то, на что ушло столько трудов?

— Она больше не нужна.

Отец тогда лишь сбивчиво пробормотал эти слова и принялся поспешно ворошить угли.

Стоит признать, на государственной службе их родитель выдающимися талантами не блистал, зато владел кистью как истинный мастер. В молодости именно это ремесло открыло ему двери в императорский дворец. Написав несколько портретов для знатных особ, он заслужил благосклонный взор государя, что обеспечило ему весьма гладкое продвижение по службе.

Лик же, воссозданный на холсте Бай Шу, до пугающего напоминал того самого Императорского благородного супруга в зените его славы. Будучи двуполым, благородный супруг отличался холодной, утончённой красотой, однако алая родинка меж его бровей смягчала излишнюю суровость, придавая облику возвышенность и изящество. Наследник же Хань казался бесконечно равнодушным, а в его глазах читалась вековая усталость, какой никогда не было у покойного фаворита.

И всё же такое поразительное сходство с человеком, чья безвременная кончина до сих пор оставалась покрыта мраком тайны, не предвещало ничего хорошего.

<http://bllate.org/book/20088/2002031>